

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Москва
2022

УДК 39+316
ББК 60.54
Э 67

Рецензенты

Р.Р. Галлямов, доктор социологических наук
М.Ю. Мартынова, доктор исторических наук
О.Б. Наумова, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия

З.В. Анайбан, Д.В. Громов, А.Д. Коростелев, В.К. Малькова, Л.В. Остапенко (отв. ред.),
С.В. Рыжова, Ф.Г. Сафин, И.А. Снежкова, Р.А. Старченко, И.А. Субботина (отв. ред.)

Э 67 ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ: ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ / отв. ред., сост.:
Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. 482 с.

ISBN 978-5-4211-0297-7

В предлагаемой книге содержатся статьи российских и зарубежных авторов, работающих в области этносоциологии. Помимо анализа различных аспектов современных этносоциальных, этнодемографических, этнокультурных проблем, особое внимание в сборнике уделено рассмотрению как языковых процессов на постсоветском пространстве, так и вопросам межэтнических отношений и идентичности. Книга посвящена 55-летию юбилею отечественной этносоциологии и памяти известных ученых, стоявших у ее истоков – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло, а также актуальным исследованиям этносоциологов из «гнезда Арутюнянова».

Издание представляет интерес для социологов, этнологов, антропологов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами этносоциологии и результатами этносоциологических исследований.

УДК 39+316
ББК 60.54

ISBN 978-5-4211-0297-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Остапенко Л.В., Субботина И.А. (сост.), 2022
© Коллектив авторов, 2022

<i>М.А. Жигунова</i> Межэтнические контакты и современная идентичность русского населения Сибири	104
<i>А.Н. Ямсков</i> Соотношение локального и регионального уровней территориальной идентичности у русских выпускников средних школ Белёва и Старицы (по материалам 2017–2019 гг.)	110
<i>Я.З. Гарипов</i> Языковая ситуация и языковая политика в Республике Татарстан	117
<i>А.И. Халиulina</i> Речевое поведение молодежи в Башкортостане (по материалам этносоциологических исследований)	121
<i>Л.В. Намруева</i> Этноязыковые потребности учащейся молодежи Калмыкии (по итогам опросов 2017 и 2021 г.)	126
<i>И.А. Снежкова</i> Языковая ситуация в Украине после принятия Закона о государственном языке 2019 г.	131
<i>Д.Д. Бекоева</i> Психологические истоки посредничества в урегулировании вооруженных конфликтов (на примере грузино-осетинского конфликта)	134
<i>П.В. Фадеев</i> Историческая память о включении Кабарды в состав Российской империи (межэтнический аспект)	138
<i>В.В. Черникова</i> Межэтнические отношения в Воронежской области: испытание на прочность	144
 Раздел III. Этносоциальные, этнодемографические и этнокультурные процессы в зеркале российской этносоциологии. Этносоциологические исследования отдельных этнорегиональных и социально-демографических групп в России	
<i>Г.И. Макарова</i> Образ и символы Татарстана в дискурсе региональных экспертов	150
<i>В.Е. Козлов</i> Социокультурные императивы русских Татарстана в XXI веке (по материалам этносоциологических исследований)	157
<i>Т.А. Титова, Е.В. Фролова</i> Социальная защита, здоровье и репродуктивное поведение женщин-мигранток в Татарстане	162
<i>Ф.Г. Сафин, Д.А. Камалетдинов</i> Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане)	171

СООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У РУССКИХ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ШКОЛ БЕЛЁВА И СТАРИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ 2017–2019 ГГ.)

А.Н. ЯМСКОВ

Данное исследование основано на материалах, собранных автором в рамках коллективного проекта по изучению малых городов Центральной России – Белёва Тульской области (13180 человек на 1 янв. 2018 г.) и Старицы Тверской области (7676 человек на 1 янв. 2018 г.) [13].

Сплошное анонимное анкетирование учащихся 11-х классов, посвященное выявлению относительной роли регионального (областного) и локального (связанного с городом-рай-центром и прилегающим районом) уровней территориального самосознания в структуре их идентичности, проводилось автором на уроке в школе в 2017, 2018 и 2019 г., каждый раз осенью. Сначала все школьники, присутствовавшие в тот день, заполняли анкету о местах рождения респондента и двух поколений его предков [см. подробнее: 6], а затем – анкету из трех вопросов, посвященную различным аспектам идентичности [14].

Всего за три года было опрошено 114 человек в Белёве (включая 109 русских) и 121 человек в Старице (113 полных ответов, полученных от русских учеников). Фактические выборки в обоих городах составили по 77,5% от общего числа учащихся в выпускных классах всех школ этих городов. При этом в данные по Старице были включены сведения из школы в деревне Ново-Ямская, примыкающей к окраине этого города, поскольку большинство учеников новоямской школы проживает в Старице.

Анкетирование проходили все учащиеся 11-х классов, но ниже учтены только респонденты, отметившие в графе «национальность» или при ответе на вопрос об идентичности, что они «русские». Это ограничение потребовалось для корректного сравнения с итогами социологического опроса, проводившегося участниками проекта в 2018 г. в Белёве и Старице только среди русских респондентов ради сопоставимости результатов с опросами в других регионах России и ряда постсоветских стран [10].

В обследованных школьных классах Белёва и Старицы абсолютно преобладают этнические русские. Так, среди опрошенных в г. Белёве в 2017 г. из 48 респондентов были отмечены даргинка и лачка, в 2018 г. из 38 человек – даргинка и одна девушка – «метис», в 2019 г. из 28 человек – цыган. В г. Старице в 2019 г. все 38 человек назвали себя русскими, а в 2017 г. в числе 37 респондентов были аварец и украинец, в 2018 г. из 44 человек – азербайджанец, грузин, чеченка и один «гражданин РФ». Кроме того, в Старице в 2018 г. один комплект анкет был возвращен почти незаполненным, а другой – с очевидно абсурдными записями. Все эти анкеты от 5 иноэтничных респондентов из 114 отвечавших в г. Белёве и от 8 человек из 121 отвечавшего в г. Старице в дальнейших расчетах не учитываются.

Отношение учащихся к анкетированию было весьма ответственным. Видимо, это объясняется тем, что большинство учеников 11-х классов из Белёва, Старицы или Ново-Ямской после окончания школы уезжают из дома и поступают в вузы [16: 133–134]. В последние годы после окончания 9-го класса от половины до двух третей учащихся покидают школы и в большинстве своем уходят в колледжи. Поэтому в 10-х и 11-х классах остаются только те, кто нацелен на получение высшего образования.

Например, по данным директора Старицкой школы Н.И. Билетиной, в 2019 г. 9-й класс закончили 45 человек, из которых в 10-й класс перешли только 20 человек, а 24 человека ушли в колледжи. В 2019 г. эту школу закончили 17 человек, из которых 12 человек ныне учатся в вузах (в том числе 7 человек в Твери и 4 человека в Москве), и еще 4 человека – в колледжах (интервью 3.10.2019 г.). Близкие показатели были в школе № 1 в Белёве, где, по сведениям зам. директора В.Ю. Басанской (интервью 12.09.2018 г.), в 2018 г. после 9-го класса из школы ушли 34 человека, в основном поступивших в колледжи, а в 10-й класс

перешли только 19 человек. В выпуске 2017 г. из 29 человек, окончивших школу № 1, 25 человек по состоянию на осень 2018 г. учились в вузах.

Таким образом, высказанные учащимися 11-х классов мнения следует считать безусловно заслуживающими внимания, ведь в большинстве своем наши респонденты через год стали студентами университетов.

Начнем анализ собранных материалов с используемых терминов. Так, «идентичность» и «самосознание» применяются ниже как синонимы. О правомерности такого подхода ранее говорили этнологи [1: 20–21] и географы [8: 159]. Аналогичного мнения придерживалась Л.М. Дробижева, рассматривавшая «идентичность как самоотождествление себя с общностью» [5: 7], т.е. как самосознание. Также в качестве синонимов ниже применяются термины «территориальное» и «пространственное» в приложении к идентичности. Пусть и с оговорками, такой подход разделяют некоторые географы [7: 152].

Многие этнологи акцентируют внимание на феномене «множественной идентичности» [2: 81; см. также: 4; 12: 107]. Это позволяет рассматривать в одном ряду и сопоставлять друг с другом как различные уровни пространственного самосознания (например, локальный и региональный), так и этническую, и национальную (русскую) идентичности, невзирая на принципиально разную природу перечисленных выше форм самосознания. Важным представляется положение Р.А. Григорьевой и М.Ю. Мартыновой о том, что «русская идентичность» является не только территориальной, но и составной частью национальной, т.е. «гражданской или национально-государственной» идентичности [2: 82].

С.С. Савоскул отмечал, что локальная идентичность человека выражает его чувства сопричастности не только к соответствующей территории, но и к ее жителям, подчеркивая наличие важной социальной составляющей у территориального самосознания, по крайней мере, на локальном уровне [11: 83]. О социальной или социально-культурной составляющей региональной идентичности писали и многие другие исследователи – этнологи [4: 410–411] и географы [7: 156–157; 9: 86]. В обзорной статье о современных исследованиях феномена «чувства места» в зарубежной антропологии также акцентируются именно социальные аспекты территориального самосознания [17: 1].

Итак, можно выделить следующие уровни территориальной идентичности населения России: государственный (житель России, или россиянин), региональный (житель области или республики в составе Российской Федерации), локальный (житель отдельного малого либо среднего города или сельского района в составе области), местный (житель части города или района, группы деревень) [14: 270; 16: 132].

Однако государственный уровень территориальной идентичности чаще всего практически сливается с национальной (иначе говоря, государственно-политической) самоидентификацией личности, и потому его обычно нецелесообразно рассматривать в отрыве от последней. Напротив, для понимаемых таким образом региональной, локальной и местной составляющих пространственной идентичности человека, на первый план выходят именно чувства сопричастности к соответствующей территории и, в не меньшей степени, к ее жителям.

Города Белёв в Тульской области и Старица в Тверской области кратко описывались ранее [14: 270–271; 16: 132–133]. Более полные исторические очерки о них подготовили коллеги [3: 43–62]. Белёв и Старица явно выделяются своей несомненной историко-культурной спецификой, поскольку оба входили еще в «Список исторических городов и других населенных мест РСФСР» 1970 г. и в аналогичный список 1990 г. Оба эти города были столицами княжеств в XV–XVI вв., а с конца XVIII в. являлись центрами уездов Тульской и Тверской губерний, с 1920-х годов – районными центрами данных областей. Поэтому можно предположить, что в этих малых городах сложились оптимальные исторические

предпосылки для наиболее сильного проявления именно локального (городского и районного) уровня территориального самосознания у местных жителей. Результаты анкетирования учащихся 11-х классов это подтвердили.

Первый открытый вопрос анкеты сформулирован так: «Я думаю, что г. Белёв и Белёвский район входят в состав территории, которая называется: ...» (аналогично о Старице). Очевидно, все учащиеся знают, что живут в г. Белёве Белёвского района Тульской области Российской Федерации. Важно то, что именно они назвали в качестве того целого, частью которого являются Белёв и Белёвский район – Тульскую область, или Россию (Российскую Федерацию), или же то и другое вместе. Ответы на этот вопрос показывают относительное значение для респондентов регионального (областного) и государственного уровней территориальной идентичности (табл.1).

Таблица 1

Сравнительное значение регионального (областного) и государственного (российского) уровней территориальной идентичности у старшеклассников Белёва и Старицы

Город	Период времени	Кол-во ответивших (%)	Доля лиц, вписавших название следующей территории, «в состав которой входят» соответствующий город (райцентр) и район (%)			
			Область	Область и Россия	Россия	Иное
Белёв	2017 г.	40	75	8	15	2
	2018 г.	35	51	20	26	3
	2019 г.	25	80	16	4	0
	Итого за 2017–2019 гг.	100	68	14	16	2
Старица	2017 г.	35	71	17	9	3
	2018 г.	33	79	6	15	0
	2019 г.	38	66	29	5	0
	Итого за 2017–2019 гг.	106	72	18	9	1

Данные табл. 1 показывают, что в контексте заданного вопроса абсолютное преобладание получил региональный (областной) уровень территориальной идентичности в сравнении с государственным. Так, 68% школьников-белёвцев и 72% старичан видят свои города и районы прежде всего как части пространства соответствующих областей. Те 16% старшеклассников из г. Белёва и 9% из г. Старицы, которые, напротив, рассматривают места своего проживания в качестве части территории России, не вспоминая при этом о соответствующей области, в данном случае демонстрируют приоритетное значение для них российской государственной идентичности именно как формы пространственного самосознания.

Можно заключить, что выявленная таким образом региональная идентичность очень значима для всех тех подростков, которые назвали в данном контексте территорию своей области или области и России вместе, т.е. для 82% белёвцев и 90% старичан, или их подавляющего большинства. Для 30% белёвцев и 27% старичан, назвавших в ответах на этот вопрос территорию России, или же своей области и Российской Федерации вместе, очень значима государственная (российская) территориальная идентичность.

Второй открытый вопрос анкеты продолжает тему пространственного положения города и района. В нем респондента просят назвать те соседние районы, которые населяют люди, наиболее близкие ему и его землякам исторически и по культуре [см. подробнее: 15].

Третий и главный закрытый вопрос анкеты просит респондента ранжировать свою идентификацию с россиянами в целом (гражданами Российской Федерации), русскими

(или лицами иной национальности), жителями соответствующей области (туляками, тверичанами), населением данного города и/или района (белёвцами, старичанами). При ранжировании указанных четырех форм идентичности с точки зрения их значимости для респондентов, у последних появляется возможность фактически напрямую сопоставить относительную важность локального (городского и/или районного) и регионального (областного) уровней территориальной самоидентификации.

Контекст анкеты и формулировка вопроса ориентируют респондентов на первостепенное внимание к территориальным аспектам идентичности: *«Когда я задумываюсь о том, кем именно ощущаю себя в первую очередь, или когда в Москве или другом месте вдали от дома откровенно отвечаю на вопрос “Кто ты?”, то называю себя так: ...»*. Т.е. здесь присутствует прямая подсказка подумать о том, кем бы он/она назвали себя «в Москве». Эти слова подталкивают к выбору прежде всего между локальным (белёвцы, старичане) или региональным (туляки, тверичане) уровнями идентичности, поскольку нет особого смысла определять себя «русским» или «россиянином» в Москве, где таковых явное большинство.

Вначале сопоставим относительное значение локальной и региональной идентичности только в сравнении друг с другом. Этой цели служит табл. 2, в которой были засчитаны даже неполные ответы на данный вопрос, когда, например, респонденты не обозначили ранг этнической или национальной идентичности, или же выделили лишь одну локальную либо только одну региональную идентичность.

Таблица 2

Сравнительное значение регионального (областного) и локального (городского и/или районного) уровней территориальной идентичности у старшеклассников Белёва и Старицы

Город	Период времени	Кол-во ответивших (%)	Приоритетный уровень территориальной идентичности (при сопоставлении региональной и локальной)			
			Региональная идентичность		Локальная идентичность	
			Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Белёв	2017 г.	38	20	53%	18	47%
	2018 г.	29	16	55%	13	45%
	2019 г.	24	15	63%	9	37%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	91	51	56%	40	44%
Старица	2017 г.	25	14	56%	11	44%
	2018 г.	26	14	54%	12	46%
	2019 г.	31	20	65%	11	35%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	82	48	59%	34	41%

Итак, выявленное соотношение значения для респондентов локального и регионального уровней территориальной идентичности свидетельствует об их относительной близости при устойчивом небольшом преобладании последнего. Так, 55%–60% старшеклассников отдали приоритет областной идентичности, а 40%–45% – городской и/или районной, причём в 2017–2018 гг. последний показатель был даже выше, устойчиво составляя порядка 45% в обоих городах.

В этой связи интересно отметить результаты массового социологического опроса населения, проведенного нашим коллективом в 2018 г. по квотной выборке по полу и возрасту и охватившего примерно 100 человек молодежи. Вследствие явных отличий в наборе предложенных идентичностей для выбора и формах фиксации последнего, возрастном диапазоне респондентов (16–29 лет), прямое сравнение результатов указанного опроса и

данного исследования невозможно. Но этот опрос тоже показал тенденцию к высокой значимости, а в г. Белёве даже к преобладанию именно локального уровня территориальной идентичности в сравнении с региональным. Так, рассчитанный коллегами индекс самоидентификации со своим городом в Белёве составил 3,54, а с Тульской областью – только 3,28; аналогичные показатели в Старице – 2,90 для своего города и 2,98 для Тверской области [10: 191–192].

Можно также оценить, насколько высокое значение придавали наши респонденты различным уровням территориального самосознания (локальному и региональному) на фоне этнического и национального. Следует подчеркнуть, что в данном случае были учтены все те возможные варианты отметок в анкете, которые позволяют сделать вывод о наличии и конкретном виде приоритетной идентичности респондента. Так что засчитывались даже анкеты с неполными ответами, в которых респондент выделил всего одну идентичность как приоритетную. Эти сведения представлены ниже, в табл. 3. В данном случае в ответе «россиянин/россиянка» присутствует не столько территориальная самоидентификация, сколько национальная (гражданско-политическая).

Таблица 3

Приоритетная идентичность респондентов-старшеклассников в Белёве и Старице

Город	Период времени	Кол-во ответивших (%)	Национальная (россиянин)		Этническая (русский)		Региональная (туляк/тверичанин)		Локальная (белёвец/старианин)	
			Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля	Кол-во	Доля
Белёв	2017 г.	35	15	43%	9	26%	6	17%	5	14%
	2018 г.	28	8	29%	9	32%	6	21%	5	18%
	2019 г.	23	6	26%	11	48%	3	13%	3	13%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	86	29	34%	29	34%	15	17%	13	15%
Старица	2017 г.	30	15	50%	7	23%	3	10%	5	17%
	2018 г.	22	10	45%	4	18%	3	14%	5	23%
	2019 г.	32	13	41%	12	37,5%	4	12,5%	3	9%
	Суммарно в 2017–2019 гг.	84	38	45%	23	27%	10	12%	13	16%

Как свидетельствует табл. 3, в г. Старице на первое место по значению и с большим отрывом от остальных устойчиво выходит национальная российская идентичность, набравшая 45% ответов, причем схожее преобладание она имела в каждый из трех лет проведения исследований. Напротив, в г. Белёве национальная российская идентичность делит первое-второе места с этнической идентичностью, т.к. каждая из них в итоге набрала по 34% ответов, и к тому же в 2019 и 2018 г. именно этническая идентичность выходила здесь на первое место по значению для респондентов-старшеклассников. На этом фоне региональная и локальная территориальные идентичности явно отстают по своей значимости от национальной и этнической. При этом они показывают относительно близкие значения в г. Белёве, при некотором преобладании региональной (17%) над локальной (15%), и более существенное превосходство локальной (16%) идентичности над региональной (12%) в г. Старице.

В заключение можно резюмировать, что проведенное в 2017–2019 гг. анкетирование русских учащихся 11-х классов в малых городах Белёв Тульской области и Старица Тверской области позволило выявить относительно высокое значение локального уровня территориального самосознания в структуре их социальных идентичностей, вполне сопоставимое с таковым регионального уровня пространственного самосознания. Так, в среднем по общему массиву ответивших, приоритет локального (городского и/или районного) уровня территориальной идентичности над региональным (областным) продемонстрировали 44% респондентов в Белёве, а в Старице – 41% ответивших.

Еще одной интересной особенностью полученных результатов стал высокий уровень акцентированности этнического самосознания у русских старшеклассников. Так, несмотря на контекст и формулировки анкеты, нацеливавших респондентов на первостепенное внимание к различным уровням территориальной идентичности, 34% в Белёве и 27% в Старице поставили на первое и самое важное для себя место именно этническую идентичность. Правда, национальная российская идентичность явно преобладает среди учеников 11-х классов в Старице, где ее обозначили как самую главную для себя 45% респондентов, а в Белёве она разделила первое-второе место с этнической идентичностью, набрав те же самые 34% ответов.

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность за помощь в организации анкетирования старшеклассников и за сведения о школах заведующим и сотрудницам районных Отделов образования Л.А. Евстратовой и Е.Н. Журавкиной (Белёв), С.В. Марченко и О.Н. Игнатовой (Старица), директорам школ Н.И. Билетиной (Старица), М.В. Стоговой (Ново-Ямская), И.А. Соколовой (Белёв), завучам В.Ю. Басанской, Ж.В. Голиковой, И.Г. Писанец и учителям Н.В. Аверьяновой, Л.Ф. Касаевой (Белёв), а также всем другим информаторам.

Литература

1. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13–22.
2. Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. Молодежь в городах Калининградской области. М.: ИЭА РАН, 2017. 132 с.
3. Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Остапенко Л.В., Сабина Д.С., Субботина И.А., Ямсков А.Н. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белёве и Старице. М.: ИЭА РАН, 2018. 111 с. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2575296>.
4. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
5. Дробижеева Л.М. Введение. К пониманию «Кто мы?» // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. Л.М. Дробижеева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 7–13.
6. Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Масштабы и направления миграционных потоков в малые города Центральной России в середине – конце XX в. // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17.11.2017 г. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. С. 306–309.
7. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 151–163.
8. Крылов М.П. Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России // Гуманитарная география. Вып. 1. М.: Институт наследия, 2004. С. 154–165.
9. Крылов М.П. Российская региональная идентичность: геопространственные и цивилизационные аспекты // Гуманитарная география. Вып. 3 / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт наследия, 2006. С. 83–119.

10. Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019. 290 с.
11. Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–99.
12. Савоскул С.С. Образ родного края у современных россиян (по данным Переславля-Залесского) // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А.В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 107–137.
13. Численность населения городов и поселков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2018 г. // Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 г. М.: Росстат, 2018. С. 88–118.
14. Ямсков А.Н. Региональное и локальное самосознание жителей малых городов Центральной России (по итогам анкетирования старшеклассников Белёва и Старицы) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17.11.2017 г. Елабуга: Елабужский институт КФУ, 2017. С. 270–273. <http://doi.org/10.5281/zenodo.2650271>.
15. Ямсков А.Н. Отражение культурно-исторических связей с соседними районами в пространственной идентичности старшеклассников Белёва и Старицы // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения): Материалы Национальной науч.-практ. конф.; г. Рязань, 21–22.11.2018 г. / ред.: Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. М.: Изд-во Ипполитова, 2018. С. 73–79.
16. Ямсков А.Н. Кто мы? Белёвцы или туляки, старичане или тверичане? Локальный и региональный уровни пространственной идентичности старшеклассников в малых городах Тульской и Тверской областей // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 17–18 мая 2019 г.) / ред. Т.И. Рябова. Брянск: БГИТУ, 2019. С. 130–137. <http://doi.org/10.5281/zenodo.3352293>.
17. Hirsh E. Sense of Place // The International Encyclopedia of Anthropology / Ed. H. Callan. – New York: John Wiley & Sons, 2018. Pp. 1–3. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1764>.